

Андрей Мажоров

ПэСэА

или

Последний синдром аденомщика

Андрей Мажоров

**ПэСэА, или Последний
синдром аденомщика**

«Издательские решения»

Мажоров А.

ПэСэА, или Последний синдром аденомщика / А. Мажоров —
«Издательские решения»,

Тонкая в своей лиричности и иронии, но ставящая перед читателем жесткие вопросы пьеса-фантасмагория о неизлечимой болезни многих — злокачественной опухоли души. Лень или алчность, упрямство или праздность, подобно метастазам, год за годом убивают искру таланта, которая когда-то сияла в каждом из них. И даже «хирургическое» вмешательство высших сил, давших второй шанс, не гарантирует выздоровления.

Содержание

Пролог	6
Действие первое	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

ПэСэА, или Последний синдром аденомщика

Драма в 5 действиях с прологом и эпилогом

Андрей Мажоров

© Андрей Мажоров, 2016

© Дмитрий Мажоров, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Борис Сергеевич К у з н е ц о в – бывший крупный начальник, 57 лет

Дарья Константиновна К у з н е ц о в а,

она же Джемма Д о н а т и¹ – его жена, 55 лет

Р и т а – их дочь, 29 лет

П а в л и к из Хабаровска – их зять, блогер, 30 лет

Б е а т а,

она же Биче П о р т и н а р е² – подруга М.К.Кузнецовой, 55 лет

Доктор З а д о р н о в,

он же Г л а в б а л а х о н,

он же М и н о с³ – онкоуролог, 65 лет

П а н к р а т о в,

он же Н а ч м е д,

он же К е р б е р⁴ – пенсионер, 75 лет

Арнольд Б у д е т е,

он же 1-й Б а л а х о н – поэт и драматург, 35 лет

Л я к и н,

он же 2-й Б а л а х о н – молодой человек без определенных занятий, 32 года

М е д с е с т р а,

она же Б л у д н и ц а Вавилонская,

она же Л и ц и с к а⁵ – эффектная женщина, 38 лет

В эпизодах: дед-ветеран (отец Кузнецова), врач-реаниматолог, 1-й санитар, 2-й санитар, Страшный голос, двойник Кузнецова, балахоны-коллекторы, артисты Театра кукол со своими питомцами.

Песня «Помолись за меня» в исполнении автора: [битая ссылка] <http://www.mazhorov.com/?p=891>

Пролог

В полутемном зрительном зале появляются странные люди в черных балахонах и капюшонах, надвинутых на лица. В руках у них зажженные старинные фонари. С гиканьем, уха-ньем и свистом они бегают по проходам, то и дело останавливаясь у отдельных посетителей, бесцеремонно их освещая. «Где Кузнецов?», «А, так это ты – Кузнецов?», «Кузнецов, выходи!», «Найдем все равно!», «Где ты засел?», «Кузнецо-о-ов!» – кричат они наглыми и грубыми головами. Так и не отыскав Кузнецова, балахоны собираются на сцене у опущенного занавеса. Начинается короткое производственное совещание.

- Нет его нигде.
- И никаких следов.
- Позор, господа. Уволят.
- Беготня с фонарями – вот где позор. Навигаторы нужны.
- Век-то здесь какой?
- Двадцать первый от Рождества Христова.
- Ну, так чего они хотят...
- Посылал я заявку в хозчасть... Говорят: берите, что есть, а то и светильники растащат.
- Средневековье...
- А оружие? На складе одни алебарды стоят. И багры ржавые.
- Для России маловато.
- Так мы в России?
- Ну, а где, по-твоему?
- Н-да... Тогда я что-то не понял с суточными...
- Сидят, планы чертят. Стратеги. А ты бегай, как дурак, с фонарем среди бела дня. Людей смеши.
- Главное, отгула потом не допросишься. Не говоря что премии.
- Ориентировка тоже дурацкая. Таких, как этот Кузнецов, – бездна. (Кивает на зал.) Вон, сидят. Хихикают.
- Ладно, давайте сначала. Дома его нет?
- И телефон не отвечает.
- На даче?
- Там крапива одна. (Показывает.) Вон, руки пожег по локти. (Виновато.) Смородина у них сладкая...
- Ну, я не знаю тогда... У любовницы были?
- Нет у него никакой любовницы. Одни мечты.
- Какой-то идиот, прости, Господи...
- Я даже на бывшей работе справлялся.
- И что?
- Не приведи Бог, говорят, снова его увидеть.
- Господа, но если следов нет здесь и сейчас, они могут быть только там и тогда.
- Логично.
- Придется восстанавливать цепь событий. Что-нибудь, да всплывет.
- В прошлое лететь, что ли?
- Хотя бы на год назад.
- Сметой не предусмотрено. Бубну выбьют.
- Дня на три, больше разговоров...
- Ты еще титр по экрану пусти, как в американском сериале: «a year earlier».

– Да пожалуйста. (Взмахивает рукавом балахона и соответствующая надпись появляется на занавесе.)

– Ну, допустим. А как вся эта байда начиналась, кто помнит?

– Кажется, была пятница. Верняк, пятница! Мы после работы к Лициске собирались...

– А место действия?

– Ну, как же – онкологический диспансер... Где же еще. Второй этаж, кабинет 231.

– Очередь на прием к урологу.

– Точно, точно... Припоминаю. Ну, так что? Поехали?

Свет гаснет, балахоны исчезают. Поднимается занавес.

Действие первое

На сцене – фрагмент коридора перед смотровым кабинетом. На двери висит табличка – «Уролог. Доктор медицинских наук М. А. Задорнов». Над дверью – круглые часы и сигнальный плафон для вызова больных. Сидя на железных стульях, приема ожидают четверо мужчин. Они подавленно молчат. Б у д е т е, лохматый субъект в круглых очках, уткнулся в газету. В ногах у него – целлофановый пакет. Л я к и н, коротко стриженный, в футболке с надписью «Ненавижу работу», грызет ноготь. В ногах у него стоит спортивная сумка с привязанной георгиевской ленточкой. К у з н е ц о в, одетый в обыкновенную рубашку и джинсы, сидит со скрещенными на груди руками и делает вид, что дремлет. Только старик П а н к р а т о в, увешанный медалями и орденами, беспокойно крутится на стуле, поглядывая на соседей. Он вздыхает, покашливает, что-то невнятно бормочет. Неожиданно начинает оцупывать сетчатую поверхность стула у себя между ног.

П а н к р а т о в. Следы какие-то. Не моют их, что ли?

Л я к и н. Чего не моют?

П а н к р а т о в. Пятна, я говорю, на стуле. Гляди. Засохши... Кровь никак? Или моча? (Круглыми глазами смотрит на Л я к и н а.) Протек кто-то.

Л я к и н. Копец. (Смотрит у себя, вскакивает.) Ё-ё! И у меня... (Трогает пальцем пятна.)

П а н к р а т о в. Не отскоблишь. Въелись за стоко лет. Ядрены...

Б у д е т е, немедленно изучив свое сиденье, складывает газету и стелет ее под себя. Потом достает из пакета книгу и принимается ее читать. К у з н е ц о в, слегка пошевелившись, продолжает делать дремотный вид. Л я к и н осторожно садится на самый край стула.

П а н к р а т о в. Скока же здесь мушшин перебивало... Как, все равно, перед казнью.

Молчание. П а н к р а т о в ненадолго затихает, потом вдруг сильно хлопает себя по коленям.

П а н к р а т о в. Нет, что ни говори, а самое страшное в жизни – смерть!

Л я к и н и К у з н е ц о в (почти хором). Дед, твою мать!

Б у д е т е. В сущности, бояться смерти не следует. Никакой смерти вообще нет.

К у з н е ц о в. Тьфу!

П а н к р а т о в. Это как это – «нет»? Как это «нет», когда – р-раз! И ку-ку.

Б у д е т е. Никакого «ку-ку». Человек, когда умер, этого сам осознать никак не может.

Правильно? А то, что не осознаваемо, то не существует.

Л я к и н. К, роче, когда, по ходу, сознавать-то уже нечем.

К у з н е ц о в. Чер-рт...

Б у д е т е. Называется – субъективный идеализм. Философское течение.

В коридоре появляется дед-ветеран с палкой и многочисленными наградами. При его появлении К у з н е ц о в как-то странно настораживается, даже привстает с места, но, взглядевшись, быстро успокаивается. Дед еле-еле передвигается, его под руку поддерживает М е д с е т р а с весьма выдающимися формами. Оба направляются к двери кабинета. Провожая их глазами, П а н к р а т о в развивает мысль, засунув ладони себе под ляжки.

П а н к р а т о в. Не знаю... Я столько за свою жись перезахоронил, что на роту наберется. Смерти нет... Вот, к примеру, мой сосед – Вяземский, Александр Петрович. Да неделя тому всего! Жил хорошо. Богато. Был он, вроде как... по снабжению. Утром на кухню пошел, чайку попить. И упал. Рухнул, можно сказать. Жена – в крик! Скорая, то, сё. Не откачали. Главное – ни с того, ни с сего. Пошел на кухню, а попал в вечность.

Л я к и н. Вн, запная смерть как бы.

К у з н е ц о в. У вас что? Тем других нет? Для беседы?

Б у д е т е. И вечности никакой нет. Смерть – это и вечность, и мгновение одновременно. Умерший уже не может осознать эти категории. Значит, он не умер. Вечность стала секундой. И наоборот.

П а н к р а т о в. Выходит, если не помер, значит – живой. Так получается?

Б у д е т е (проводит пальцем по книжной строчке). Смотрите-ка, прямо по теме: «Я не был мертв, и жив я не был тоже». (Поясняет.) Данте. Божественная комедия.

К у з н е ц о в (впервые взглянув на Б у д е т е с интересом). Все-таки здесь надо определиться. Здесь, насколько я помню, просто фигура речи. Софизм у вас выскочил, уважаемый. (Б у д е т е пожимает плечами.)

Л я к и н (осторожно). Диалектика, ёптыть...

Молчание.

П а н к р а т о в. Если не живой и не мертвый, то... как? А какой тада?

К у з н е ц о в. Черт! Черт!

П а н к р а т о в. Да ладно – «черт»... (Отворачивается.) Слова им не скажи...

Л я к и н. Выпить бы, дедушка.

П а н к р а т о в (оживившись). А есть?

Дверь кабинета открывается, высовывается М е д с е с т р а.

М е д с е с т р а. Будете?

В с е (хором). А как же!

М е д с е с т р а выходит в коридор.

М е д с е с т р а (довольно). Бугаи.

Б у д е т е. Это я. (Встает.) Будете, Арнольд. Это я.

М е д с е с т р а. Так вы будете Будете?

Л я к и н. Мы тоже будем-будем!

М е д с е с т р а. Почему на ПСА⁶ не сдал?

Б у д е т е. Сдал. Просили передать. Я забыл. Вот. (Протягивает бумажку.)

М е д с е с т р а. Кузнецов есть?

К у з н е ц о в. Здесь. (Встает.)

М е д с е с т р а. Первым пойдете.

К у з н е ц о в (упавшим голосом). Почему... первым?

М е д с е с т р а (загадочно). Скажут. (Уходит в кабинет.)

Молчание.

П а н к р а т о в. «Первым пойдете». Слыхали? (В сторону двери.) А тут, между прочим, ветеран войны и труда. С инвалидностью! Первым я пойду. Идите вы все!

Л я к и н. Первым вообще-то я пришел. Тут еще и не было никого. Вы, ветераны, д, вайте, конкретно, как-нибудь через одного!

П а н к р а т о в. Конечно, какие теперь ветераны! Какие теперь заслуги! Когда кругом – одна голая коррупция.

Л я к и н. Отец, мы так до ночи просидим!

П а н к р а т о в. Лаврентия на вас нет!

К у з н е ц о в (прокашлявшись). Товарищи, я не виноват. Они сами назначили.

П а н к р а т о в. «Товарищи»... Это когда было, «товарищи»... Сидит заслуженный ветеран, с наградами. Со второй, понимаешь, группой... Нет – пошептались, посюсюкали, «вась-вась» сделали – и «первым пойдете»! Я к заведующему сейчас! Порядочки...

П а н к р а т о в встает и демонстративно занимает позицию у двери.

К у з н е ц о в (мрачно). Да мне вообще без разницы. Сами разбирайтесь.

Молчание.

К у з н е ц о в (обращаясь к остальным за поддержкой). Вы же сами видели. Чего он завелся?

Л я к и н. Слышь, дед...

Молчание.

Л я к и н. Ветеран! Уснул, что ли?

П а н к р а т о в. Да что с вами разговаривать...

Л я к и н. Сейчас такие специальные подушечки продаются. Взял бы, да и купил.

П а н к р а т о в. Чего ты?

Л я к и н. Для значков. Ну, зачем ты всю свою коллекцию на клифт нацепил?

П а н к р а т о в. Чего?

Л я к и н. «Чего-чего»... Вредно такие тяжести таскать. Тебя аж перекосило.

П а н к р а т о в (отваливается от двери и нависает над Л я к и н ы м). Да что ты понимаешь, тля сопливая! Я эти ордена кровью заслужил! Когда ты еще титьку сосал!

Л я к и н. Да ладно. Какие ордена? (Приглядывается к наградам.) «Почетный донор», что ли? Ну, это да. Тогда да – кровью.

П а н к р а т о в (трясаясь). Да я таких, как ты... Раньше имел один раз, а потом выбрасывал!

Л я к и н (удивленно). Классный базар. Спиши слова!

П а н к р а т о в. Я те сейчас запишу! Я те так пропишу, своих не узнаешь!

Л я к и н (встает). Да что ты разорался-то? Шуток не понимаешь?

Б у д е т е (занимает позицию между сторонами, примирительно, П а н к р а т о в у). Конечно, вы первым пойдете. По старшинству и по заслугам. (Л я к и н у.) Потом вы, раз первым пришли. Потом первым пойдет... вот, господин Кузнецов. Как было объявлено. Ну, а я замкну шествие. Первым от конца. (К у з н е ц о в у.) Не возражаете, уважаемый?

К у з н е ц о в. Повторяю еще раз – мне совершенно безразлично.

Б у д е т е (П а н к р а т о в у). А вы бы сели. Похоже, тут... надолго.

П а н к р а т о в, что-то бормоча, возвращается на свое место. Л я к и н тоже садится.

Л я к и н. Всех помирил. Будете, а ты кем... будете? Из прибалтов, что ли? Добрый такой.

Б у д е т е. Между прочим, этимология моей фамилии имеет славянские корни. Я смотрел в Википедии. Я – белорус. Предки мои – из Белоруссии.

П а н к р а т о в. Все вы теперь – из Белоруссии.

Л я к и н. Теперь – да.

К у з н е ц о в. И чешут языками, и чешут. Какая разница, кто тут откуда? Здесь все равны. Как, понимаешь, перед Господом Богом.

Б у д е т е. О да.

П а н к р а т о в. В хипипедии он смотрел. Хипипед. Меня вот никто не спросит, сдавал я чего, не сдавал... А всякая сопля в рожу тычет.

Л я к и н. Слушай, дед, осади ходули...

П а н к р а т о в. Чего-о?

К у з н е ц о в (поспешно). У него ПСА запросили. Может, у него анализ плохой. Какие у вас там цифры, Арнольд?

Б у д е т е. Не помню. Кажется, около семи. С чем-то.

К у з н е ц о в. У-у... Тогда понятно.

Л я к и н. А какие надо?

К у з н е ц о в. От нуля до четырех. Если выше – пиши пропало.

Б у д е т е. Что это значит – «пропало»?

К у з н е ц о в. А то и значит. Ку-ку, как вон товарищ говорит. Подозрение, извините, на рак.

П а н к р а т о в. ПСА, ПСА... Именно что – подозрение. У меня раз вообще было – двенадцать. А ничего, сидю тут еще с вами. (Неожиданно развеселившись.) Тут врач, мужики, работает, – не доктор, а чисто сатирик. У него и фамилия подходящая – Задорнов. Он эту самую ПСА называет «Псаки». Ну, говорит, что нам сегодня отмочила госпожа Псаки, Аденома Простатитовна? Какую нам такую санкцию объявила? Не иначе, товарищ Панкратов, лично вам – химкастрацию.

Л я к и н. Зачем это?

П а н к р а т о в. Шут его знает. Может, отпустит. Ты вот сколько раз за ночь бегаешь?

Л я к и н. А сколько надо?

П а н к р а т о в. Молодой... Я в твои годы про это и не думал. А как женился – тем более. Ты вот – женат, нет?

Л я к и н. А при чем тут это?

П а н к р а т о в. Молодой... Вот и сиди тута. Протекай. Всю резьбу уже, поди, сорвали.

Л я к и н. Ничего мне не сорвали

П а н к р а т о в. Что, не шупали еще?

Л я к и н. Чего не шупали?

П а н к р а т о в. От молодой! Железу, чего еще.

Л я к и н. А как ее... шупают?

Негромкий, но дружный смех. Остальные переглядываются, качают головами.

П а н к р а т о в. Ну, готовься тада. Поставят тебя, салагу, в позу... как бы это сказать... угнетенных народов Африки. И давай... демократию насаждать. Цветную, понимаешь, революцию.

Л я к и н. Веселкин базар...

П а н к р а т о в. Легко не будет. Раз к ним попался. Чем эти ихние втыки терпеть – я Задорнову прошлый год сказал – вырежьте мне ее на хрен, и вся недолга.

К у з н е ц о в. Болезненная операция. Ее, говорят, не вырезают, а вырывают. Прямо через проход. А наркоз – только местный.

Л я к и н. Мама дорогая...

П а н к р а т о в. Раньше, до войны, так и делали. Теперь, вроде, лазером выжигают.

Л я к и н. Ну, и убрал бы ты ее. Чем триндеть тут. Я с твоего базара уже обстремался весь.

П а н к р а т о в. Нельзя. После операции – Задорнов сказал – в течение года наблюдайся... как это, ядри его... Полное угасание половой функции.

Л я к и н. А она у тебя, дед, что... Еще не угасла?

П а н к р а т о в. Какое... Нет, ну, конечно, не так, как раньше. Но все-таки... Бабка говорит: пусть уж лучше она у тебя сама как-нибудь погаснет.

За дверью кабинета раздаются невнятный шум и возбужденные голоса. Через мгновение в коридор выскакивает М е д с е с т р а.

М е д с е с т р а. Один кто-нибудь! Доктору помочь!

Четверо в тревоге и недоумении переглядываются.

М е д с е с т р а. Чего вылупились? Дедушке плохо! Поднять надо!
Г о л о с д о к т о р а (из кабинета, повелительно). В реанимацию, я сказал! Пулей!
М е д с е с т р а. Ой, бегу! Что расселись, как на поминках? Один кто-нибудь!

М е д с е с т р а убегает. Все четверо встают, но в кабинет, неуверенно оглядываясь, проходит только Б у д е т е. П а н к р а т о в тут же подкрадывается к двери, заглядывает внутрь. Остальные окружают его сзади.

П а н к р а т о в. Готово дело. Похоже, преставился.
Г о л о с д о к т о р а. За ноги – и на койку! Да осторожней...
Г о л о с Б у д е т е. Тут лужа. И еще что-то.
Г о л о с д о к т о р а. Не уОните. Ну, взялись! Тихо, тихо, тихо...
П а н к р а т о в (орет). Будете, под коленки бери! Да куда... Под коленки бери, дурья башка!
Г о л о с д о к т о р а. Дверь закрыл!!!

П а н к р а т о в закрывает дверь и на цыпочках возвращается на место. За ним – остальные. Лица у всех скорбные.

П а н к р а т о в. Все, не жилец. Серый весь. Ни кровинки.
К у з н е ц о в. Так что было-то, я не понял?
П а н к р а т о в. «Что было, что было...» Пошел бы, да и помог – «что было». Упал старик. Обкакался и обмочился весь. Тебе-то что?
К у з н е ц о в. На отца моего покойного... издали похож. И умер похоже.
П а н к р а т о в. Значит – дрянь наследственность у тебя. Готовься.
Л я к и н. Ну, все... Теперь по-любому до ночи.

Два санитаря с грохотом вкатывают в коридор каталку. За ними бегут врач-реаниматолог и М е д с е с т р а. Все быстро исчезают в дверях кабинета. Молчание.

К у з н е ц о в. Вот как это можно? В таком возрасте – и один, без сопровождения.
П а н к р а т о в. Выходит – можно! А кому мы нужны? Кому мы нужны? А ты вот – со своим отцом ходил ли?
К у з н е ц о в. Я со своим ходил.
П а н к р а т о в. Да не ври!
К у з н е ц о в. Он у меня вообще на руках умер.
К у з н е ц о в. А я вот один... Один и сдохну где-нибудь. Хоть бы раз позвонил, спросил, тама это, папа – ты как? Добересся один-то? Давай, мол, я тебя сопроводю. Хрен! Дождесся от них. Валяйся потом в собственной луже. Й-ех!
К у з н е ц о в. Сын, что ли?
П а н к р а т о в. Машину за миллионы купил, а чтоб отца подвезти, или тама что, – хрен с маслом. Давай, старик, жми через весь город на трамвае. Быстрее окачурился... Глядишь – и площадь освободится. Только и ждет, подлец...
Л я к и н. А что за тачка?
П а н к р а т о в. Не знаю... Как ленд-лиз все равно.
Л я к и н. «Ленд Ровер»?
П а н к р а т о в. Вроде...

Л я к и н. Вау!

Молчание.

П а н к р а т о в. Вот что ты такое сейчас вякнул? Что ты такое сказал, от сохи на время взятый?

Л я к и н. Весёлкин базар! Да ты, дед, никак сидел?

К у з н е ц о в (П а н к р а т о в у). Это междометие означает – «ничего себе». Англицизм.

П а н к р а т о в. Так и говори – ничего себе! Ты что – не русский? Ты где живешь? Ты что – в Америке живешь?

Л я к и н. Опять заболело-поехало.

П а н к р а т о в. Мяу! Хуяу! Слов у них уже не осталось, одни звуки. Мы за это на фронтах кровь проливали? Кузнецов, скажи! Вот за эту вот пятую колонну?

Л я к и н. Тебе как раз пять лет было, когда война по ходу кончилась.

П а н к р а т о в. Подсчитал! Гляди-ка, высчитал! Арихмометр! Плохо считаешь! Может, я всю жись воевал! А тебе и знать не положено! Да где тебе знать-то, тля ты эдакая! Вот что это у тебя написано? (Тычет пальцем в спину Л я к и н у.) «Ненавижу работу»! Это что это такое? Сопля ты несчастная! Да мы по двенадцать часов...

Дверь кабинета распахивается. Санитары осторожно вывозят каталку, на которой лежит тело, с головой укрытое простыней. П а н к р а т о в умолкает на полуслове.

Выходят доктор З а д о р н о в, врач-реаниматолог и М е д с е с т р а.

В р а ч – р е а н и м а т о л о г. Инфаркт, конечно. Классика.

З а д о р н о в. Там все равно уже метастазы пошли. В почках, кишечнике...

М е д с е с т р а. Аркадий Михайлович, почему я-то опять?

З а д о р н о в (взрываясь). Идите тогда и оперируйте вместо меня! А я полы вытирать буду! (Останавливается и угрюмо смотрит на вставших пациентов.) Приму всех.

Процессия уходит в левую кулису. М е д с е с т р а с грохотом захлопывает дверь, за ней раздаётся сдавленный крик и через мгновение появляется бледный и еще более взъерошенный Б у д е т е, трясущий ушибленной рукой.

М е д с е с т р а (злобно). Ах, извините! (Уходит в правую кулису.)

Б у д е т е. Ничего. (Проходит к своему месту, снимает с него газету, и, приподняв очки, снова изучает пятна.) Гм... (Протирает очки, глядя перед собой.)

К у з н е ц о в. Живой дед-то?

Б у д е т е. Немножко мертвый. Сердце подвело.

П а н к р а т о в. Одно лечат, другое калечат. Я теперь на операцию нипочем не соглашусь. Не будет моего согласия.

К у з н е ц о в. Вот я не понимаю. У человека уже метастазы пошли.

Л я к и н. Стремно.

К у з н е ц о в. Ну, чего старика мучать?

П а н к р а т о в. Никогда они тебе толком не скажут. Темнят.

Л я к и н. В несознанку уходят.

Б у д е т е. Врачебная этика, вот и темнят.

К у з н е ц о в. Чушь какая-то. Конец – так конец. Чего там в прятки играть?

Б у д е т е. Ну уж сразу – конец. На ранних стадиях, бывает, спасают человека.

К у з н е ц о в. Так то – на ранних. А когда тебе под девяносто...

П а н к р а т о в. Жить, Кузнецов, всегда хочется. И в девяносто, и в сто. Поймешь потом.

К у з н е ц о в. Да что там за жизнь? Дряхлость, болячки, ожидание смерти... Из ума выживают. Из чувств остаются только злоба да зависть. И желчь. Всех измучают: врачей, близких, детей. А главное – самих себя.

П а н к р а т о в (негромко). Потом поймешь. Если доживешь.

Л я к и н (по-дурацки бодро). Живы будем – не помрем!

Появляется М е д с е с т р а с ведром и шваброй.

М е д с е с т р а. Помрете, куда вы денетесь. Как мой дурак: «Видал я ваших врачей в гробу!». А потом ссыте тут на пол.

Заходит в кабинет, начинает греметь ведром и стульями.

Л я к и н. Валить надо отсюда.

П а н к р а т о в. Давай, вали. Через год сюда же и привезут. С трубкой в пузыре.

Б у д е т е. Да, это не выход.

Л я к и н. Зачем с трубкой?

П а н к р а т о в. Вот будет у тебя непроходимость мочи, узнашь – зачем... На стену полезешь. «Вау».

Л я к и н (беспокойно). А чо делать-то?

П а н к р а т о в. Сиди и молчи.

Б у д е т е. Может, все еще обойдется. Может, зря пугают.

П а н к р а т о в. Страхуются они. Первым делом ЕГО исключают.

Л я к и н. А если...

За дверью звенит телефон. Звякает дужка ведра.

Г о л о с М е д с е с т р ы. Сидят, бубнят. Четверо еще. Сказал, всех примет. Тут у нас ЧП случилось. Дедуля один концы отдал. Прямо на приеме. Теперь подтираю за ним. Больше некому. Да одна, Галя, пашу, как папа Карло, с утра до вечера... Как дура, ну как дура, за ни за что... Да... Эти-то? Да, все с подозрением. Один особенно. Так что не знаю... Ладно, созвОнимся. Чао.

Грохот возобновляется.

П а н к р а т о в. Слыхали? «Один особенно».

К у з н е ц о в. Н-да... (Стучит пальцами по подлокотнику.)

Б у д е т е. Издевательство какое-то.

К у з н е ц о в. Эманация вашей этики, уважаемый.

Молчание.

П а н к р а т о в. Интересно, кто это тут – «один особенно». Слышь, молодой...

Л я к и н. Чего тебе?

П а н к р а т о в. Сходи, спроси у ее.

Л я к и н. Сам иди!

К у з н е ц о в. Даже она ничего не скажет... Рюмочной здесь нет поблизости, никто не знает?

Б у д е т е. И это не выход.

Л я к и н. А чо выход-то? Вот все им не так, прибалтам.

П а н к р а т о в. А им, слышь ты, всегда все не так.

Б у д е т е (П а н к р а т о в у, с вызовом). Лично я завтра в церковь пойду. Православную, между прочим.

П а н к р а т о в. С такой фамилиёй, как у вас, каждый день надо Богу молиться.

Б у д е т е. Фамилия тут не при чем. Батюшка есть один, отец Геннадий. Я всегда к нему... когда плохо. И укрепляет, и направляет, между прочим.

П а н к р а т о в. Это как бабка деду сказала: «Моли, дурень, об укреплении, а направить я и сама смогу».

Л я к и н громко прыскает и хохочет, сгибаясь пополам. К у з н е ц о в улыбается. Б у д е т е пожимает плечами.

Появляется доктор З а д о р н о в. Одновременно с ним из кабинета выходит М е д с е с т р а со своим инвентарем.

З а д о р н о в. Ну что, аденомщики? Все дрейфите? Бу-бу-бу, бу-бу-бу! А молодой хохочет! Так и надо. Ладно, всем сидеть и не дергаться. Кто тут из вас – Будете?

М е д с е с т р а. Вот этот. Я передала.

З а д о р н о в. Ну что, Будете? Будет вообще в стране порядок?

Б у д е т е (робко). Не знаю. Будет, наверное.

З а д о р н о в. Дал же Бог фамилию. Извините. (Строго.) Приму всех! Первый – Кузнецов. Мигну плафоном. (М е д с е с т р е.) Тамара Михайловна, дорогая, поспешите-с... (Уходит в кабинет.)

М е д с е с т р а. «Поспешите-с»... Когда с ссаньем ихним управлюсь. Подождете-с... (Уносит инвентарь.)

Молчание. Все провожают ее взглядами.

П а н к р а т о в. Вот бабам – тем легче. Им и тут легче. Никаких сложностей, одни дырки.

Л я к и н. Ну, не скажи. Им-то как раз хуже.

П а н к р а т о в. Ты-то откуда знаешь?

Л я к и н. По утрам про здоровье смотрю. У многих – опухоль груди. Или там... шейки матки.

Б у д е т е. А вот среди мужских раков опухоль предстательной железы занимает второе место в Европе.

К у з н е ц о в. Ну черт, черт! Арнольд, и вы туда же! Сколько можно-то?

К у з н е ц о в встает и начинает нервно прохаживаться по коридору. В это время над сценой начинается что-то неладное: раздаются странные звуки – отдаленное завывание ветра, чей-то неразборчивый шепот, слабые стоны, птичьи крики и прочая мистика. Потом становятся слышны голоса людей. Но странно – соседи К у з н е ц о в а сидят в прежних позах, не раскрывая рта. Только в коридоре как будто потемнело и поднялся сквозняк.

Г о л о с а.

– Похоже, фрукт созрел.

– И, падая, о том не знает.

- Звонил Харон⁷. Там недоумевают.
- Он в транспортном своем порядке оборзел.
- Пиар-отдел опять не понимают.
- «А кто оплатит мне простой?
- Я воздух-де возить не нанимался»
- Харон – дурак. Здесь случай непростой.
- И шеф, похоже, тоже растерялся.

К у з н е ц о в замедляет шаги, с удивлением смотрит на соседей. Те по-прежнему сидят, не меняя поз, не открывая ртов, никак не реагируя на происходящее.

Г о л о с а.

- Кто завалил дедка?
- Отличный ход.
- Идея продается! Сто медалей.
- Которые сперва навесил тот урод,
- А после утопил в моче и кале.
- Как эти аллегории редки!
- Коль с бедностью гордыню сочетают.
- И цапки звякнули, как медяки,
- Когда в копилку их ссыпают!

Из кулисы в кулису пролетают несколько летучих мышей. К у з н е ц о в в ужасе от них отмахивается, даже приседает. Потом с силой трет глаза и трясет головой.

- Твои метафоры внезапны и мудры.
- Но результат... Он лишь на «тройку» тянет.
- Оценит разве шеф изящество игры...
- Ну, и бухгалтер пусть помянет!
- (Хором, нараспев.)
- Amen!

По коридору быстро пробегает огромный паук. К у з н е ц о в отшатывается к кабинетной двери, и тут прямо над ним вспыхивает красным цветом сигнальный плафон. Все стихает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.